

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ
ДОВЛАТОВ

Сергей Донатович Довлатов
Андрей Юрьевич Арьев
Собрание прозы. Том 4
Серия «Больше чем книга»
Серия «Собрание прозы в
четырех томах (Азбука)», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74480381

Собрание прозы в четырех томах. Малоизвестный Довлатов: Азбука,

Издательство АЗБУКА; СПб; 2026

ISBN 978-5-389-34812-7

Аннотация

Представляем читателям легендарное четырехтомное собрание прозы Сергея Довлатова с рисунками известного петербургского художника, одного из основателей арт-группы «Митьки» Александра Флоренского. Составитель собрания сочинений – писатель, критик, литературовед Андрей Арьев.

Первые три тома с иллюстрациями Флоренского увидели свет в 1993 году; в 1996-м появился еще один том под названием «Малоизвестный Довлатов». В 2021 году оформление для четырехтомника было значительно доработано художником: несколько рисунков сделаны заново, появились рукописные заголовки, разработан футляр для хранения книг. Специально

для этого издания все тексты были заново выверены, учитывалась последняя авторская правка.

В настоящем издании отчасти изменено содержание четвертого тома – «Малоизвестный Довлатов»: вместо раздела воспоминаний о Сергее Довлатове включены его тексты, ранее в составе четырехтомника не печатавшиеся.

Данное собрание сочинений, которое, бесспорно, можно назвать эталонным изданием, станет великолепным подарком для всех поклонников творчества Сергея Довлатова.

В томе «Малоизвестный Довлатов» печатаются рассказы разных лет, колонки из журнала «Новый американец», в котором Довлатов был главным редактором, две «сентиментальные повести», литературная публицистика и письма.

Содержание

Неизданная книга	13
Марш одиноких	14
Возвышение и гибель «Нового американца»	14
Месяца три назад...	23
Нам часто задают вопрос...	25
Мы часто задаем себе вопрос...	27
С детства нам твердили...	29
Это произошло в лагере...	31
«Новый американец» – молодое издание...	34
Наши дети так быстро растут...	36
Есть в советской пропаганде...	38
Национальную гордость пробудила во мне...	40
С каждым годом...	42
Все мы очень любим давать советы...	44
Я знаю, что все народы равны...	46
Колонки редактора вызывают...	48
В Америке нас поразило многое...	50
Угрожает ли нам термоядерная война...	52
Интеллигентами себя называют все...	54
Так кто же мы наконец...	56
Иногда мы подолгу спорим в редакции...	58

Это письмо дошло чудом...	60
Вообще это неправильно...	62
На английском языке...	64
Это письмо я отправляю в Ленинград...	66
Боже, в какой ужасной стране мы живем...	68
Кнессет принял важное решение...	70
Итальянская полиция не без труда...	72
Я всегда гордился...	74
Жизнь академика Сахарова...	76
Мы живем среди цифр...	78
В нашем доме...	80
Шефа полиции охватило...	82
К нищим я всегда относился с почтением...	84
Когда-то нам внушали...	85
К сожалению, я не знаю...	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Сергей Довлатов

Собрание прозы. Том 4

© С. Д. Довлатов (наследники), 2026

© © А. Ю. Арьев, состав, библиографическая справка,
1993, 2026

© А. О. Флоренский, иллюстрации, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

ХУДОЖНИК
АЛЕКСАНДР
ФЛОРЕНСКИЙ

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ДОВЛАТОВ

СОБРАНИЕ ПРОЗЫ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»
СПБ

Неизданная книга

Марш одиноких

Возвышение и гибель «Нового американца» (Вместо предисловия)

Эти заметки напоминают речь у собственного гроба.

Вы только представьте себе – ясный зимний день, разверстая могила. В изголовье – белые цветы. Кругом скорбные лица друзей и родственников. В бледном декабрьском небе тают звуки похоронного марша...

И тут – поднимаетесь вы, смертельно бледный, нарядный, красивый, усыпанный лепестками гладиолусов.

Заглушая испуганные крики толпы, вы произносите:

– Одну минуточку, не расходитесь! Сейчас я поименно назову людей, которые вогнали меня в гроб!..

Велико искушение произнести обличительную речь у собственной могилы. Вот почему я решил издать этот маленький сборник.

Этот сборник – для тех, кто знал и любил «Новый американец» в период его расцвета. Кто скорбит о былом его великолепии. В ком живет ощущение потери.

Парадокс заключается в том, что «Новый американец» –

жив. Он жив, как марксистско-ленинское учение. При всех очевидных чертах его деградации и упадка.

Умер-то, собственно, – я. «Новый американец» всего лишь переродился.

Хотя в нем по-прежнему работают талантливые люди. Сохраняются привлекательные черты институтского капустика. И газета по-прежнему оформлена со вкусом.

Но главное – исчезло. То, ради чего и создавался «Новый американец». Что принесло ему какую-то известность.

«Новый американец» утратил черты демократической альтернативной газеты. Он перестал быть свободной дискуссионной трибуной.

Умирание «Нового американца» – пышно и безвозвратно. Так уходит под воду большой океанский корабль. Но мачты – видны...

Историей «Нового американца» займутся другие. Для этого я чересчур субъективен. Тем более что многие помнят, как это все начиналось.

Кто-то помнит хорошее. Кто-то – плохое. Наша память избирательна, как урна...

Поэтому я лишь бегло коснусь исторических вех. Оставаясь в рамках скромной гражданской панихиды...

Как я теперь сознаю, газета появилась в исключительно благоприятный момент. Эмиграция достигла пика. С авторами не было проблем. (Как нет и теперь. Грамотеев хватает. Из одних докторов наук можно сколотить при-

личную футбольную команду.) Потребность в новой газете казалась очевидной. Существующая русская пресса не удовлетворяла читателя. «Новое русское слово» пользовалось языком, которым объяснялись лакеи у Эртеля и Златовратского...

В общем, дело пошло. Мы получили банковскую ссуду – 12 тысяч долларов. Что явилось причиной немислимых слухов. Относительно того, что нас субсидирует КГБ.

А мы все радовались. Мы говорили:

– Это хорошо, что нас считают агентами КГБ. Это укрепляет нашу финансовую репутацию. Пусть думают, что мы богачи...

Газета стала реальностью. Ощущение чуда сменилось повседневными заботами. Мы углубились в джунгли американского бизнеса.

Идеи у нас возникали поминутно. И любая открывала дорогу к богатству.

Когда идей накопилось достаточно, мы обратились к знакомому американцу Гольдбергу. Гольдберг ознакомился с идеями. Затем сурово произнес:

– За эту идею вы получите год тюрьмы. За эту – два. За эту – четыре с конфискацией имущества. А за эту вас просто-напросто депортируют...

Пришлось начинать все сначала.

Одновременно вырабатывалась творческая позиция газеты. Мы провозгласили:

«Новый американец» является демократической свободной трибуной. Он выражает различные, иногда диаметрально противоположные точки зрения. Выводы читатель делает сам...

Мы называли себя еврейской газетой. Честно говоря, я был против такой формулировки. Я считал «Новый американец» «газетой третьей эмиграции». Без ударения на еврействе.

Начались разговоры в общественных кругах. Нас обвиняли в пренебрежении к России. В местечковом шовинизме. В корыстных попытках добиться расположения богатых еврейских организаций.

Старый друг позвонил мне из Франции. Он сказал:

– Говорят, ты записался в правоверные евреи. И даже сделал обрезание...

Я ответил:

– Володя! Я не стал правоверным евреем. И обрезания не делал. Я могу это доказать. Я не могу протянуть тебе свое доказательство через океан. Зато я могу предъявить его в Нью-Йорке твоему доверенному лицу...

Параллельно с еврейским шовинизмом нас обвиняли в юдофобии. Называли антисемитами, погромщиками и черносотенцами. Поминая в этой связи Арафата, Риббентропа, Гоголя.

Один простодушный читатель мне так и написал: «Вы самого Гоголя превзошли!»

Я ему ответил: «Твоими бы устами...»

В нашей газете публиковались дискуссионные материалы о Солженицыне. Боже, какой это вызвало шум. Нас обвиняли в пособничестве советскому режиму. В прокоммунистических настроениях. Чуть ли не в терроризме.

Распространилась легенда, что я, будучи тюремным надзирателем, физически бил Солженицына. Хотя, когда Солженицына посадили, мне было три года. В охрану же я попал через двадцать лет. Когда Солженицына уже выдвинули на Ленинскую премию...

И все-таки дела шли неплохо. О нас писали все крупные американские газеты и журналы. Я получал вырезки из Франции, Швеции, Западной Германии. Был приглашен как редактор на три международных симпозиума. Вещал по радио. Пестрел на телевизионных экранах.

У нас были подписчики даже в Южной Корее...

Я мог бы привести здесь сотни документов. От писем мэра Коча до анонимки на латышском языке. Но это – лишнее. Кто читал газету, тот знает...

Годовой юбилей мы отмечали в ресторане «Сокол». По территории он равен Ватикану. В огромном зале собралось человек девятьсот. Многие специально приехали из Филадельфии, Коннектикута и даже Техаса.

Видимо, это был лучший день моей жизни...

Дальнейшие события излагаю бегло, пунктиром.

Ощущение сенсационности и триумфа не пропадало. Хо-

тя проблем было достаточно. Во-первых, не хватало денег. Что расхолаживало при всем нашем энтузиазме.

Нужен был хороший бизнес-менеджер. Попросту говоря, администратор. Деловой человек. Да еще в какой-то степени – идеалист.

Уверен, что такие существуют. Уверен, что деньги не могут быть самоцелью. Особенно здесь, в Америке.

Сколько требуется человеку для полного благополучия? Сто, двести тысяч в год? А люди здесь ворочают миллиардами.

Видимо, деньги стали эквивалентом иных, более значительных по классу ценностей. Ферментом и витамином американского прогресса.

Сумма превратилась в цифру. Цифра превратилась в геральдический знак.

Не к деньгам стремится умный бизнесмен. Он стремится к полному и гармоническому тождеству усилий и результата. Самым убедительным показателем которого является цифра.

Короче, нужен был администратор. Я считал, что все несчастья из-за этого.

К тому же монопольная пресса давила нещадно. Обработывала наших рекламодателей. Терроризировала авторов. Распускала о нас чудовищные слухи.

Со временем мне надоело оправдываться. Пускай люди думают, что именно я отравил госпожу Бовари...

Когда-нибудь Седых окажется в раю. И скажут ему апостолы:

– Всем ты хорош, дядя Яша! А вот Серегу Довлатова не оценил...

Шло время. Обстановка в редакции была замечательная. С легкой поправкой на общее безумие.

Помню, Наталья Шарымова собиралась в типографию. Дело было вечером. Район довольно гнусный.

Я сказал бородатым мужчинам Вайлю и Генису:

– Нехорошо, если Шарымова поедет в типографию одна.

На что красивый плотный Генис мне ответил:

– Но мы-то с Петькой ездим...

Обстановка была веселая и праздничная. Хотя давно колебалась земля у меня под ногами.

Я проработал в «Новом американце» два года. Был, пышно выражаясь, одним из его создателей. И – наемным редактором. Правда, без зарплаты. Совладельцем не был. Акции не имел.

Парадокс заключался в следующем. У газеты было три хозяина. И с десятков наемных работников. Хозяева работали бесплатно. Как и положено владельцам нового бизнеса. В расчете на грядущие барыши.

Наемные работники зарплату получали. Хорошую, но маленькую. Вернее, маленькую, но хорошую.

Итак, хозяева получали моральное удовлетворение.

Наемники – скромную зарплату.

Я же был личностью парадоксальной. Психологически – хозяином. Юридически – наемником. Хозяином без собственности. Наемником без заработной платы.

Держался соответствующим образом. Требовал у хозяев отчетности. Давал советы руководству. Изнурял Бориса Меттера соображениями дисциплины.

И меня уволили. Без всяких затруднений. Поскольку я был в юридическом смысле – никто.

Я ушел. Ко мне присоединился творческий состав. Мы уговорили господина Дескала из «Руссики» финансировать «Новый свет». Газета просуществовала месяца два.

Затем господин Дескал купил «Новый американец». Предложил нам вернуться. Обещал творческую свободу. И я вернулся.

Вы скажете:

– Хорош! Его обидели, а он вернулся. Где же твое чувство собственного достоинства?

Я отвечаю:

– «Новый американец» был моим любимым детищем. Предметом всех моих надежд. Пышно выражаясь – делом жизни. Известен ли вам предел, где должен остановиться человек, цепляющийся за свою жизнь?!

Дальше все было очень просто. Творческая свобода оказалась мифом. Все остальное не имело значения.

Зарплату наконец платили. Из песни слова не выкинешь. Повторяю, для меня это значения не имело. К этому вре-

мени я уже что-то зарабатывал литературой.

И я ушел, на этот раз по доброй воле.

Господина Дескала я не виню. Он бизнесмен. Плевать ему на мировую культуру. На русскую – тем более. Он зарабатывает деньги. Это его право.

Он мне даже чем-то симпатичен. Такой откровенный де-ляга. Глупо было надеяться, что средний американец – Вон-негут.

Мы предъявили Дескалу ультиматум. Свобода – или уходим.

И я ушел. Это все...

Газета стала этнической, национальной. Через месяц сотрудникам запретили упоминать свинину. Даже в статьях на экономические темы. Мягко рекомендовали заменить ее фаришированной щукой...

Лишь Вайль и Генис по-прежнему работают талантливо. Не хуже Зикмунда с Ганзелкой. Литература для них – Африка. И все кругом – сплошная Африка. От ярких впечатлений лопаются кровеносные сосуды... Но пишут талантливо. Из песни... Впрочем, я это уже говорил...

С газетой покончено. Это была моя последняя авантюра. Последняя вспышка затянувшейся молодости. Отныне я – благоразумный и нетребовательный литератор средней руки. («Средняя рука» – подходящее название для мужского клуба...)

Два года я писал свои «Колонки редактора». Мне кажется, в них отразилась история третьей эмиграции. Если не история эмиграции, то история газеты. Если не история газеты, то история моей взывающей души.

Переписывать их я не решился. Ведь наши глупости, срывы, ошибки – это тоже история. Так что печатаю все как есть.

О некоторых высказываниях я сожалею. Иные готов вытатуировать у себя на груди...

Я назвал свою книжку – «Марш одиноких». К сожалению, мы были одиноки даже в нашу лучшую пору. Одиноки мы и сейчас. Только каждый в отдельности...

Предисловие мое затянулось. Скоро утро. Как сказал бы Моргулис: «Дымчато-серым фаллосом мулата встает под окнами заря...»

Отпирает свою лавочку торгующий газетами индус. Даже он, представьте себе, знает, что я – бывший редактор «Нового американца».

Что ж, видимо, надо ставить точку. Или многоточие...

Месяца три назад...

Месяца три назад я посещал ювелирные курсы. Там же занимался и английским языком. Преподавательница Кэтрин любила задавать неожиданные вопросы. Помню, она спросила:

– Как ты думаешь, будет война?

Я ответил:

– Война уже идет. Только американцы этого не знают.

– То есть как?

– Очень просто. В Тегеране захватили американское посольство. А это юридически – территория США. Кроме того, имеются пятьдесят военнопленных.

– Что же нам остается делать? – спросила Кэтрин...

Я не дипломат, не политик и не генерал. И даже не американец. Я пытаюсь взглянуть на это дело с житейской точки зрения.

Поведение человека и поведение государства – сопоставимы. Самозащита и обороноспособность – понятия идентичные, разница в масштабах, а не в качестве.

Мои представления о самозащите формировались в лагерях. Там я понял раз и навсегда:

Готовность к драке означает способность ее начать. Если к этому вынуждают обстоятельства.

Можно и воздержаться. Уйти с побитой физиономией. То есть – капитулировать...

Увы, поражение в драке не означает ее конца. Тебя будут избивать систематически. И наконец уничтожат в тебе человека.

То же происходит и с государством.

Готовность к войне означает способность ее начать. Если к этому вынуждают обстоятельства.

Тито говорил:

– Мы будем сражаться до последнего!

Его не тронули. Прожил жизнь уважаемым человеком.

Нечто подобное выкрикнул и Чаушеску. Или намекнул.

Его не трогают...

Я слышу разумные трезвые доводы:

– А если – война?! Это значит – конец?! Что может быть ужасней смерти?!

Ужасней смерти – трусость, малодушие и неминуемое вслед за этим – рабство.

Да и не рано ли говорить о смерти? Вон евреи освободили своих заложников, и ничего. Живы-здоровы.

Уметь надо...

Нам часто задают вопрос...

Нам часто задают вопрос:

– Какой национальности ваша газета? Русской, американской или еврейской?

Вопрос довольно сложный. Хотя когда-то, в Союзе, он решался элементарно.

У каждого был паспорт. В нем – пятая графа. И в этой графе недвусмысленно указывалось: русский, еврей или, скажем, – татарин.

Я, допустим, был армянином – по матери. Мой друг, Арий Хаймович Лернер, – в русские пробился. Даже не знаю, как

ему это удалось. Говорят, теща русская была.

Мой приятель художник Шер говорил:

– Я наполовину русский, наполовину – украинец, наполовину – поляк и наполовину – еврей...

Вот какой был уникальный человек! Из четырех половин состоял...

В общем, устраивались как могли. Кто в греки шел, кто в турки подавался...

Затем началась эмиграция. И повалил народ обратно, в евреи. Замелькали какие-то бабушки из города Шклова. Какие-то дедушки из Бердянска. Мой знакомый Пономарев специально в Гомель ездил, тетку нанимать... Еврейские женихи и невесты резко подскочили в цене...

Начинающего эмигранта Кунина спросили:

– Ты хоть Жаботинского читал?

– Да вы путаете, – удивился Кунин, – это Юрий Власов книгу написал, а Жаботинский, говорят, и читает с трудом...

И наконец – мы здесь. И кончился весь этот дурацкий балаган.

Да будь ты кем хочешь! Кем себя ощущаешь! Русским, евреем, таджиком!..

Теперь о газете.

Мы говорим и пишем на русском языке. Наше духовное отечество – многострадальная русская культура.

И потому мы – РУССКАЯ ГАЗЕТА.

Мы живем в Америке. Благодарны этой стране. Чтим ее

законы. И если понадобится, будем воевать за американскую демократию.

И потому мы – АМЕРИКАНСКАЯ ГАЗЕТА.

Мы – третья эмиграция. И читает нас третья эмиграция. Нам близки ее проблемы. Понятны ее настроения. Доступны ее интересы.

И потому мы – ЕВРЕЙСКАЯ ГАЗЕТА.

Вот так обстоят дела.

Кто-то недоволен?

Переживем.

Ведь свободу, кажется, еще не отменили!

Мы часто задаем себе вопрос...

Мы часто задаем себе вопрос:

– Каков наш гипотетический идеальный читатель? Кто он? Чем занимается? Насколько высок его культурный уровень?

Одни доброжелатели рекомендуют:

– Газета ваша слишком умная. Культура да политика... Пишите больше о спорте... О фудстемпах... О том, где кого зарезали...

Другие, наоборот, советуют:

– Зачем нам спорт? Зачем эти кулинарные рецепты и голливудские сплетни? Пишите больше о духовном, о возвышенном...

Положение наше довольно сложное. И вот почему.

В моем родном Ленинграде издавалось около двухсот газет. Была, например, газета – «За культуру торговли». Или, допустим, – «Мясной гигант». (Орган ленинградского мясокомбината.) Выходила газета «Моряк Балтики». (В которой одно время работал наш президент Борис Меттер.) «Строительный рабочий». (Где начинал Алексей Орлов.) Или – «За кадры верфям». (Где начинал я сам.)

Имелся даже такой печатный орган – «Голос бумажника». (Газета писчебумажного комбината.)

В общем, много было газет. На любой вкус. Все, что угодно, можно было там прочесть. Все, кроме правды...

Здесь – положение иное. Круг читателей довольно узок. Аудитория сравнительно небольшая.

Вот и получается, одна газета должна удовлетворять многим требованиям.

Когда-то, я уверен, здесь будут выходить десятки изданий. Но сейчас об этом рано говорить...

А следовательно, наша газета должна быть разнообразной, многосторонней, универсальной.

Таким же мы представляем и нашего гипотетического читателя.

Это человек любого вероисповедания, ненавидящий тиранию, демагогию и глупость.

Обладающий широким кругозором в сфере политики, науки, искусства.

Отдающий должное как высокой литературе, так и развлекательному чтению.

Чуждый снобизма, интересующийся шахматами и футболом, голливудской хроникой и астрологическими прогнозами.

Это человек, озабоченный судьбами заложников, но готовый увлечься и кроссвордом.

Это человек, уяснивший главное, – мир спасут отвага, доброта и благородство.

Короче, это – обыкновенный человек, простой и сложный, грустный и веселый, рассудительный и беспечный...

Надеюсь, ты узнаёшь себя, читатель?

С детства нам твердили...

С детства нам твердили:

– Бога нет... Материя первична... Человек произошел от гориллы...

Атеистическая пропаганда достигала своей цели. Ее доктрины воспринимались как нечто бесспорное.

Да и сама жизнь отчасти к этому подталкивала. Взглянешь на иного соотечественника – действительно, от гориллы. Причем недавно...

Атеистическая пропаганда достигала также и обратной цели. Значительная часть интеллектуалов пришла к религии. И в этом не только оппозиция государственному мате-

риализму. В этом – тоска по утраченной духовности, жажда непосредственных чувств...

И вот мы здесь, на свободе. Утихла борьба за коммунистические идеалы. Спали оковы материалистических доктрин. Отринуты насильственные догмы. Забыты принудительные верования.

Мы сыты, одеты, здоровы. Мы почти так же элегантны, как наши автомобили. Почти так же содержательны, как наши холодильники.

Может, обойдемся вообще без идеалов? Заменяем государственный материализм – бытовым, ежесекундным, обыденным? Разрушим ложные идеи, и да здравствует безыдейность?!

Трудна дорога от правды к истине. Альтернатива правды – ложь. Альтернатива истины – другая истина, более глубокая, более жизнеспособная.

Философский материализм принадлежит к числу глубочайших истин.

Веками противостоит ему истина религии, истина Бога.

Мы, я думаю, находимся где-то посередине...

Среди моих друзей немало обращенных христиан. Есть также обращенные иудаисты. Увы, я не заметил, чтобы они были милосерднее, сострадательнее, а главное – терпимее других людей.

Видимо, такое приходит не сразу.

При этом, я знаю, в лагерях так называемые «религиозни-

ки» держались с исключительным мужеством. В тягчайшие минуты они проявляли бодрость духа и готовность к самопожертвованию. Было заметно, что вера дает им силу противостоять невыносимому гнету.

Заключенные, да и надзиратели, относились к верующим с большим уважением.

Помню, в бараке разоблачили одного стукача. Некто Бусыгин, потомственный скокарь, человек далекий от религии, воскликнул:

– Может, Бога и нет! Но Иуда – перед вами!..

Сам я, увы, человек нерелигиозный. И даже – неверующий. Разве что суеверный, как все неврастеники.

И все-таки часто задумываюсь. Я ведь уже далеко не юноша. Придет когда-то смерть и вычеркнет меня.

И что же в результате – лопух на могиле? Неужели это – все, предел, итог?!

Или наши души бессмертны? Но тогда мы обязаны дорожить каждой минутой.

Это произошло в лагере...

Это произошло в лагере особого режима. Зека Чичеванов, грабитель и убийца, досиживал последние сутки. Наутро его должны были освободить. За плечами оставалось двадцать лет срока.

Ночью Чичеванов бежал. Шесть часов спустя его задер-

жали в поселке Иоссер. Чичеванов успел взломать продуктовый ларь и дико напиться. За побег и кражу ему добавили четыре года...

Эта история буквально потрясла меня. Случившееся казалось невероятным, противоестественным. Но капитан УВД Прищепа мне все объяснил. Он сказал:

– Чичеванов отсидел двадцать лет. Он привык. На воле он задохнулся бы, как рыба. Вот и рванул, чтобы срок намотали...

Нечто подобное испытываем мы, эмигранты. Десять, тридцать, пятьдесят лет неволи, и вдруг – свобода. Рыбы не рыбы – а дыхание захватывает...

Восемь эмигрантов из десяти мотивируют свой отъезд нравственными причинами. Мы выбрали – свободу.

А получили – свободу выбора.

Как это непривычно – уважать чужое мнение! Как это странно – дать высказаться оппоненту! Как это соблазнительно – быть единственным конфидентом истины!

Казалось бы, свобода мнений – великое завоевание демократии. Да здравствует свобода мнений! С легкой оговоркой – для тех, чье мнение я разделяю.

А как быть с теми, чье мнение я не разделяю? Их-то куда? В тюрьму? На сто первый километр? Может, просто заткнуть им глотку? Не печатать, не издавать, не экспонировать?..

Появляется в газете спорный материал. На следующий день звонки:

– Вы посягнули на авторитеты! Вы осквернили святыни! Нарушили, затронули, коснулись...

Еще раз говорю – нет святых при жизни! Нет объектов вне критики! Нет партийных указаний! Нет методических разработок! Нет обкомовских директив!

Читатель делает выводы – сам. И другого пути – нет. Вернее – есть. Через советское посольство и кассы «Аэрофлота».

Дальнейшее прошу напечатать жирным шрифтом:

Газета является независимой и свободной трибуной.

Эта трибуна предоставляется носителям разных, а зачастую и диаметральных мнений.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и несет ответственность лишь за уровень дискуссии...

В остальном – дело за читателем!..

Нелегкое это благо – свобода выбора. Помню, зашел я с матерью в кондитерскую лавку на Бродвее. Что-то ей не понравилось. Она и говорит:

– Хорошо бы в жалобную книгу написать. Или позвонить куда-нибудь...

– А может, – говорю, – просто зайти в другую лавку?..

«Новый американец» – молодое издание...

«Новый американец» – сравнительно молодое издание. У нас есть масса проблем: финансовых, творческих, организационных...

Что нас поддерживает? Уверенность в правоте начатого дела. Любовь к газетной работе. Доверие и энтузиазм читателей. И разумеется – благородная помощь коллег-журналистов.

Нас поддержали – «Континент», «Эхо», «Третья волна», «Русская мысль». Я мог бы назвать десятки славных имен...

В этой связи несколько обескураживает позиция, занятая руководством «НРС». Казалось бы, уважаемый печатный орган с многолетней высокой репутацией. Самая популярная русская газета в Америке. Процветающее коммерческое учреждение с миллионными оборотами...

Так логично и естественно было бы поддержать молодое издание. Или, как минимум, не препятствовать его свободному развитию.

Ведь читательские души – не картошка. А газета – не овощная лавка. Рассуждения вроде: «Это мои покупатели! Уходите из моего квартала!» – здесь неуместны...

Сначала руководство «НРС» отказалось дать условия на-

шей подписки. (Что, кстати сказать, незаконно.) После этого всем авторам «НРС» было объявлено:

«Тем, кто содействует новой газете, печататься в „НРС“ запрещается!»

В общем: либо – либо! Кто не с нами, тот против нас! Долой инакомыслящих, к стенке, на рею!..

Тут хочется вспомнить момент из прошлого. В 76-м году меня напечатал «Континент». Затем – «Время и мы». Радио «Свобода» неделю транслировало мою повесть... Я тогда жил в Ленинграде. Исполнял мелкую безымянную халтуру для крупнейшего партийного журнала «Звезда». Редактор Холопов (негодяй высшей марки) знал, что я печатаюсь в «Континенте». Он сказал:

– Пока нет указания из Смольного – работай!

И я еще в течение года продолжал халтурить. Печатался одновременно в СССР и на Западе. Будучи выгнан из Союза журналистов. Будучи лишен всех иных заработков...

Вспоминается еще один эпизод. Когда-то я работал в партийной газете. Каждую неделю в редакцию приходил человек из обкома. Вынимал из портфеля список. Это был список тех, кого нельзя печатать. И кого нежелательно упоминать. «Булгаков, Ахматова, Мандельштам, Гумилев...»

Я не знаю фамилии этого человека из обкома. А имя Мандельштам будет жить, пока жив русский язык!..

И последнее. Когда-то я писал заявку на документальный фильм о Бунине. В числе других исходных материалов упо-

минались записки Андрея Седых¹. Сценарий был запрещен. Редактор «Леннаучфильма» заявил:

– Вы бы еще Милюкова упомянули!..

Мне кажется, тут есть над чем подумать. Не правда ли?

Эх, Бунина нет. Вот бы ему пожаловаться...

Наши дети так быстро растут...

Наши дети так быстро растут.

Я вспоминаю детские ясли на улице Рубинштейна. Белую скамью. Подвернувшийся задник крошечного ботинка...

Мы идем домой. Вспоминается ощущение подвижной маленькой ладони. Даже сквозь рукавицу чувствуется, какая она горячая...

Меня поражала в дочке ее беспомощность. Ее уязвимость по отношению к транспорту, ветру... Ее зависимость от моих решений, действий, слов...

Дочка росла. Ее уже было видно из-за стула. Помню, она вернулась из детского сада. Не раздеваясь, спросила:

– Ты любишь Брежнева?

Я сказал:

– Любить можно тех, кого хорошо знаешь. Например, маму, бабушку. На худой конец – меня. Брежнева мы не знаем.

¹ Андрей Седых (Яков Моисеевич Цвибак) – писатель, журналист, в 1930-е гг. секретарь И. А. Бунина, с 1973 г. владелец нью-йоркской газеты «Новое русское слово» («НРС»).

Хотя часто видим его портреты. Возможно, он хороший человек. А может быть, и нет...

– Наши воспитатели его любят, – сказала дочка.

– Вероятно, они хорошо его знают.

– Нет, – сказала дочка, – просто они воспитатели. А ты – всего лишь папа...

Наши дети так быстро меняются. Английский язык им дается легко. Они такие уверенные, независимые, практичные...

Мы были другими. Мы были застенчивее и печальнее. Больше читали. Охотнее предавались мечтам.

Мы носили черные ботинки, а яблоко считали лакомством...

Я рад, что нашим детям хорошо живется. Что они едят бананы и халву. Что рваные джинсы у них – крик моды.

Для того мы и ехали.

Только я не знаю, как это связано, – витамины и принципы, джинсы и чувства... Какая тут пропорция, зависимость? Хорошо, если прямая. А если, не дай бог, – обратная?

Надеюсь, все будет хорошо.

Отношения у меня с дочкой прежние. Я, как и раньше, лишен всего того, что может ее покорить.

Вряд ли я стану американским певцом. Или киноактером. Вряд ли разбогатею настолько, чтобы избавить ее от забот. Кроме того, я по-прежнему не умею водить автомобиль. Совершенно равнодушен к частной жизни знаменитой актрисы

Лорен Бокал. (Такая фамилия подошла бы неопохмелившемуся флотскому офицеру.) И главное – плохо знаю английский. Что делает меня иногда совершенно беспомощным...

Недавно она сказала... Вернее, произнесла... В общем, я услышал такую фразу:

– Тебя наконец печатают. А что изменилось?

Короче, у нас все по-прежнему. И я всего лишь – папа...

Есть в советской пропаганде...

Есть в советской пропаганде замечательная черта. Напористая, громогласная, вездесущая и непрерывная – советская пропаганда вызывает обратную реакцию.

Критикуют фильм – значит, надо его посмотреть. Ругают книгу – значит, стоит ее прочитать. На кого-то персонально обрушились – значит, достойный человек...

Один знакомый лектор (из прогрессивных) жаловался мне: «На тысячу вопросов готов ответить. Есть два, которые меня смущают. Хоть с работы увольняйся!.. Первый вопрос. Отчего в дружественном Египте нет коммунистической партии? А во вражеском Израиле есть? И притом целых две... И второй. Насчет Сахарова. Правда ли, что он – Герой Социалистического Труда? Да еще трижды?..»

Десятки раз я слышал:

«Вот напишу академику Сахарову! Поеду в Москву к академику Сахарову!»

И адреса-то человек не знает. Да, может, и знал бы – не поехал. Русский человек и в жалобную-то книгу не пишет. Душу отведет, востребует книгу, а писать не станет...

Тут важно другое. Появилось ощущение новой инстанции. Раньше было что? Партком? Где сидят знакомые лодыри и демагоги? Местком? Где те же лодыри и демагоги бегают шестерками перед начальством? Милиция, прокуратура? Да разве они защитят? От них самих защита требуется...

Вот и раздается повсюду:

«Напишу академику Сахарову!»

Тут мне хочется вспомнить один случай. Был я в командировке. Рано утром оказался на псковском автовокзале. В прибежище местных алкашей. Разговорился с одним. Лицо сизое, опухшее, руки трясутся. Сунул я ему два рубля. Алкаш выпил портвейна, немного отошел. Каким-то чудом распознал во мне интеллигента. Видимо, захотел мне угодить. И рассказал такую историю:

«Был я, понимаешь, на кабельных работах. Натурально, каждый вечер поддача. Белое, красное, одеколон... Рано утром встаю – колотун меня бьет. И похмелиться нечем. Еле иду. Мотор на ходу вырубается. Вдруг навстречу – мужик. С тебя ростом, но шире в плечах. Останавливает меня и говорит:

– Худо тебе?

– Худо, – отвечаю.

– На, – говорит, – червонец. Похмелися. И запомни – я

академик Сахаров...»

...Я понимаю, что это – наивная выдумка опустившегося человека. И все-таки... Если оставить в стороне убогую фантазию этого забулдыги... Да это же сказка о благородном волшебнике! Ведь именно так создается фольклор! В наши дни. Вокруг конкретного живого человека...

Пусть наивно, смешно. Но ведь это прямая трансформация мечты о справедливости...

Сахаров выслан. Живет в Горьком. Вокруг него – люди. Инстанция существует!

Национальную гордость пробудила во мне...

Национальную гордость пробудила во мне эмиграция. Раньше я этого чувства не испытывал.

Ну, полетел Гагарин в космос. Ну, поднял Власов тяжелую штангу. Ну, построили атомный ледокол. А что толку?..

Меня удручала сталинская система приоритетов. Радио изобрел Попов. Электричество – Яблочков. Паровоз – братья Черепановы. Крузенштерн был назначен русским путешественником. Ландау – русским ученым. Барклай де Толли – русским полководцем. Один Дантес был французом. В силу низких моральных качеств.

Теперь все изменилось. Нахамкин дом купил. И Никсон

дом купил. К Никсону я равнодушен. За Нахамкина – рад.

Бродскому дали «премию гениев». К Солженицыну прислушивается весь мир.

Портреты Барышникова я обнаруживаю в самых неожиданных местах. Например, в здании суда. О Ростроповиче и говорить нечего...

В Нью-Йорке обосновались три бывших московских саксофониста. Сермакашев, Пономарев и Герасимов. Нелепо брать в Тулу – самовар. А в Нью-Йорк – саксофон. Однако Сермакашев играл у Мела Льюиса. Пономарев – у Арта Блейки. Герасимов записал пластинку с Эллингтоном.

Мы гордимся Зворыкиным и Сикорским. Аплодируем Годунову и Макаровой. Мы узнаем поразительные вещи. Оказывается, Керк Дуглас – наш. Юл Бриннер – наш. Приятель Фолкнера, кинорежиссер Миллстоун оказывается Мильштейном с Украины.

Говорят, Радзиевский стал миллионером. Чем мы хуже господина Рокфеллера!

Недавно я беседовал с фотографом Львом Поляковым. Его работами заинтересовался крупнейший в мире аукцион – «Сотби Парк Бернет». Давно пора. Я ими восхищаюсь двадцать лет.

Честно говоря, я даже за Наврозова обрадовался. Шутка сказать, первый американский журналист из наших...

Происходит что-то неожиданное в сознании. Допустим, я не восхищаюсь прозой Аркадия Львова. Вдруг показывают

мне его французскую книгу. Громадный том страниц на восемьсот. И рецензии, говорят, превосходные. Поневоле обрадуешься...

Лимонова проклинали с утра до ночи. А между тем в ФРГ по Лимонову кино снимают. И заработает ужасный Лимонов большие деньги. Чему я буду искренне рад.

Потому что это – наши. Хорошие или плохие – разберемся. А пока – удачи вам, родные, любимые, ненавистные, замечательные соотечественники. Вы – моя национальная гордость!

С каждым годом...

С каждым годом она все больше похожа на человека. (Не в пример большинству знакомых журналистов.)

Принес я ее домой на ладони. Было это двенадцать лет назад. Месячный щенок-фокстерьер по имени Глаша. Морда кирпичиком. Хвост морковкой. Короче, Глаша была неотразима...

Воспитывали мы ее довольно невнимательно. Кормили чем попало. Зато подолгу с ней беседовали. И я, и мама, и жена. А потом и дочка, когда сама научилась разговаривать...

Глаша росла толковой и мужественной. К трем годам она совершила несколько подвигов. Во-первых, спасла щенка, который тонул. Вытащила его за хвост из лужи. Кроме то-

го, побывала с моим братом на охоте. Первая отыскала след медведя-шатуна.

Очередной подвиг Глаша совершила в Таллине. Я уехал в командировку. Отдал Глашу знакомой машинистке из ЦК. Машинистка затопила печь. Раньше времени закрыла трубу. И уснула.

В квартире запахло угарным газом. Все спали. Но проснулась Глаша и действовала разумно. Подошла к хозяйскому ложу и стащила одеяло. А потом громко залаяла...

Днем ей принесли из буфета ЦК четыреста граммов шейной вырезки. Случай уникальный. Может быть, впервые партийные льготы коснулись достойного объекта.

Глаша не интересовалась политикой. Однако лаяла на милиционеров, когда они являлись без приглашения.

Консервы «Завтрак туриста» вызывали у нее аллергию. Как и у меня...

Наконец, мы собрались уезжать. За Глашу пришлось уплатить небольшой выкуп. По три рубля за килограмм. Глашу оценили чуть дешевле нототении. И чуть дороже постной свинины...

В Америке Глаше нравится. Она помолодела и готова выйти замуж. (Скоро дадим объявление в «НРС»...)

Говорят, все эмигранты перессорились. Это не так. Глаша одинаково симпатизирует Вагину и Янову, Бернштаму и Эткинду, Рафальскому и Парамонову...

Глаша часто спит у моих ног. Иногда тихонько стонет.

Возможно, ей снится родина. Например, мелкий частичек в томате. Или сквер в Щербаковском переулке...

Не печалься, Глаша, все будет хорошо.

И прости, что у меня нет хвоста. (В Союзе был, и не один.)

Прости, что у меня есть ботинки и сигареты. И еще – работа по специальности.

В остальном мы похожи. И судьба наша – общая.

Все мы очень любим давать советы...

Все мы очень любим давать советы. Такое уж государство нас воспитало – советское.

Мы даем советы, потому что всё знаем. Мы знаем, как управлять страной. Как бороться с преступностью. Как вести международную политику. В общем, знаем, как жить.

Хотя сами живем отвратительно. Хуже всех на свете. Хуже китайцев. Те хоть судили вдову председателя Мао. А наш товарищ Молотов, выродок и убийца, разгуливает по Садовому кольцу...

Наконец мы приехали. В чужую непонятную страну. Научились пользоваться туалетной бумагой. Перестали в ужасе шарахаться от кондиционера. Запомнили пятнадцать английских слов от «чека» до «кеша» – включительно. Стиранные бюстгалтеры на пожарную лестницу уже не вывешиваем. Короче – осмотрелись.

Америку мы сдержанно похваливаем. Снабжение, мол,

хорошее, дубленки, растворимый кофе...

Хотя имеются, конечно же, отдельные недостатки.

Бензин дорожает. От чернокожих житья не стало. А главное – демократия под угрозой. Совсем ослабла. Того и гляди – пошатнется да рухнет. Что делать? А вот что!

Цены на бензин понизить. Велфер у пуэрториканцев отобрать. Чернокожих – по лагерям и тюрьмам!.. Что, нету лагерей? Значит, надо это дело в стахановском порядке организовать. Кубу – оккупировать немедленно! По Тегерану водородной бомбой – раз!

Иначе – демократии конец!..

Дорогие мои земляки! Советчики и реформаторы! Энтузиасты и преобразователи!

Ради бога, успокойтесь! Американской демократии двести лет. И все эти годы американская демократия слабеет. Все эти годы ей предсказывают скорейшую гибель. Все эти годы дорожает жизнь. Все эти годы чернокожие пугают нас до смерти.

А магазины по-прежнему ломаются от жратвы. А миллионы книг по-прежнему распродают. И по-прежнему звучит гениальная музыка. И тысячи картинных галерей ежедневно распахивают двери. И мчатся потоком роскошные автомобили. И по-прежнему количество беженцев со всего мира – растет.

И жить по-прежнему можно только здесь. И не только жить. Но еще и учить американцев – демократии!

Я знаю, что все народы равны...

Я знаю, что все народы равны. Знаю, что все они достойны счастья и благоденствия. Да и вообще, какие тут могут быть сомнения?..

Разумом все понимаю. А в сердце живут какие-то необъяснимые пристрастия. И что гораздо хуже – неприятные мне самому антипатии.

Мне трудно избавиться от предубеждения к немцам. Может быть, фашизм тому виной. Хотя фашизм вообще-то итальянское блюдо. А предубеждения к итальянцам – нет. Вот и разберись...

Видимо, есть такое понятие – лицо народа, облик народа. А лица бывают разные. Бывают обаятельные лица, бывают – так себе.

Что же такое – обаяние? Откуда эта способность – без всяких усилий привлекать человеческие души?..

Поляки мне нравились с детства. Даже не знаю – почему. Возможно, благодаря Мицкевичу, Галчинскому, Тувиму...

Что еще вспомнить? Мазурки Шопена? Фильмы с Цыбульским? Смешные карикатуры в журналах? Не знаю. Очевидно – всё разом. Обаяние нации...

Рассказывали мне такую историю. Приехал в Лодзь советский министр Громыко. Организовали ему пышную встречу. Пригласили видную местную интеллигенцию. В том чис-

ле знаменитого писателя Ежи Ружеви́ча.

Шел грандиозный банкет под открытым небом. Произносились верноподданнические здравицы и тосты. Громыко выпил польской сливовицы. Раскраснелся. Наклонился к случайно подвергнувшемуся Ружеви́чу и говорит:

– Где бы тут, извиняюсь, по-маленькому?

– Вам? – переспросил Ружеви́ч.

Затем он поднялся, раскинул ладони и громко воскликнул:

– Вам?! Везде!..

Есть у поэта Бориса Слуцкого такая метафора:

Для тех, кто на сравненья лаком,
Я истины не знаю большей,
Чем русский стих сравнить с поляком,
Поэзию родную – с Польшей!

Так до поры не отзвенело,
Не отшумело наше дело,
Оно, как Польша, не сгинело,
Хоть выдержала три раздела...

Действительно, есть что-то общее в этих трагических судьбах. Уж как душили русскую поэзию! Как только ее не увечили! Дуэли, войны, лагеря, цензура... Казалось бы, уже и нет ее. И вдруг рождается Бродский!

Так и с Польшей. Делили ее, калечили, топтали. Казалось,

сломлен польский дух. Все безнадежно, серо и мертво.

И вдруг такое дело...

Колонки редактора вызывают...

Колонки редактора вызывают у моих знакомых самые неожиданные чувства. От безумного восторга до заметного испуга. То и дело я выслушиваю наставления, советы, рекомендации.

Например:

– Пиши о чем-нибудь серьезном. О налоговой системе. О ливанском кризисе. О преследовании христиан-баптистов... Зачем ты написал про дочку? И тем более – про собаку? Может, завтра и про таракана напишешь?..

Люди всю жизнь читали передовые статьи. Они привыкли. Им хочется получать ценные руководящие указания. Им без этого неуютно.

Что же делать?

Политикой у нас занимается Гальперин. Нравственными вопросами – Рыскин. Руководящие указания дает Борис Меттер. Да и то неохотно...

Что же это за колонки такие? Во имя чего существуют?

Колонки редактора появились не от хорошей жизни. Необходимо было что-то доказывать уважаемой публике. О чем-то просить. Освещать какие-то подробности редакционного быта. Короче – быть посредником между читателями

и газетой.

Постепенно отношения с читателями наладились. А колонки тем не менее сохранились. Речь в них шла о чем угодно. В том числе и о моей собаке. Точнее, о ее самочувствии в эмиграции. Разве это не интересно?..

В старой русской журналистике бытовало понятие – фельетон. Причем отнюдь не в теперешнем его значении.

Нынешний фельетон – это сатирическая корреспонденция. По идее – смешная, бичующая всевозможные недостатки.

Старинный фельетон был иным. Это было короткое сочинение на вольную тему. Иногда веселое, иногда печальное. Как говорится – взгляд и нечто... Речь без повода... Случайный разговор на остановке...

Встречаются утром два человека:

– Как поживаешь?

– Да ничего. А ты?

– А у меня, брат, произошла такая история...

Поговорили и разошлись. Впереди наполненный событиями день. Содержательные разговоры, деловые встречи, ответственные заседания...

Потом неожиданно задумываешься:

«А вдруг самое главное было произнесено утром? В этом случайном разговоре на троллейбусной остановке? В грохоте нью-йоркского метро?..»

Возможно, чересчур серьезные люди будут разочарованы.

Им я могу рекомендовать для чтения «Большую советскую энциклопедию»...

А нормальным людям мне хочется сказать:

– Здравствуйте. Как поживаете?.. У меня произошла такая история...

И следующую колонку я принципиально напишу о тараканах в эмиграции!

В Америке нас поразило многое...

В Америке нас поразило многое. Супермаркеты, негры, копировальные машины, улыбающиеся почтовые работники... Чему-то радуемся, чему-то ужасаемся... Ругаем инфляцию, нью-йоркский климат, грязь в метро, чернокожих подростков с транзисторами...

И конечно же, достается от нас тараканам. Эти усатые насекомые занимают среди язв капитализма весьма достойное место.

Вообразите себе шкалу негативных эмоций. На этой шкале тараканы располагаются, я думаю, между преступностью и бумажными спичками. Чуть пониже безработицы. И чуть повыше марихуаны...

Кто скажет, что мы выросли неженками? Дома было всякое. Дома было хамство и лицемерие. Консервы «Завтрак туриста» и ботинки «Скороход». КГБ и цензура. Коммунальные жилища и очереди за мылом.

А вот тараканов не было. Я их что-то не припомню. Хотя жить приходилось в самых разных условиях.

Однажды я снял комнату во Пскове. Ко мне через щели в полу заходили бездомные собаки. А тараканов, повторяю, не было...

Может, я их просто не замечал? Может, их заслоняли более крупные хищники? Не знаю...

Короче, приехали мы, осмотрелись. И поднялся ужасный крик:

– Нет спасения от тараканов! Так и лезут из всех щелей! Ох уж эта Америка! А еще – цивилизованная страна!

Начались бои с применением химического оружия. Заливаем комнаты всякой ядовитой дрянью.

Вроде бы и зверя нет страшнее таракана! Совсем разочаровал нас проклятый капитализм!

А между тем – кто видел здесь хотя бы одно червивое яблоко? Хотя бы одну подгнившую картофелину? Не говоря уже о старых большевиках...

И вообще, чем провинились тараканы? Может, таракан вас когда-нибудь укусил? Или оскорбил ваше национальное достоинство? Ведь нет же...

Таракан безобиден и по-своему элегантен. В нем есть стремительная пластика маленького гоночного автомобиля.

Таракан не в пример комару – молчалив. Кто слышал, чтобы таракан повысил голос?

Таракан знает свое место и редко покидает кухню.

Таракан не пахнет. Наоборот, борцы с тараканами оскверняют жилища гнусным запахом химикатов...

Мне кажется, всего этого достаточно, чтобы примириться с тараканами. Полюбить – это уже слишком. Но примириться, я думаю, можно!

Я, например, мирюсь.

И, как говорится, – надеюсь, что это взаимно!

Угрожает ли нам термоядерная война...

Угрожает ли нам термоядерная война? Эта тема живо интересует любого психически вменяемого человека.

В «Новом русском слове» опубликована (29 августа) заметка Юрия Мейера. Она называется «Люди, способные вызывать апокалипсис».

Мейер исследует документы советской прессы. В частности, статью маршала Огаркова. (Июньский номер журнала «Коммунист».)

Статья Огаркова действительно производит жуткое впечатление. Маршал говорит, что большевики способны нанести Америке превентивный термоядерный удар.

По его мнению, такая война не означает гибели человечества. Огарков думает, что в этой войне можно победить.

Далее Мейер успокаивает читателя. Говорит, что Огарков не всесилен. Что у него есть влиятельный оппонент. А именно – министр обороны Устинов. На заявление Огаркова ми-

нистр реагировал в «Правде». Написал, что термоядерная война повлечет за собой колоссальные жертвы. Что контролировать ее ход – невозможно. Что победителей не будет...

Короче, выказал некоторую долю здравого смысла.

Сопоставляя эти документы, Мейер делает выводы о кремлевском разброде. О разногласиях между коммунистическими лидерами.

Выводы эти смешны и наивны.

Юрий Мейер, как говорится, попался на удочку. Устинов и Огарков разыграли совершенно банальный трюк. Использовали прием, давно разработанный госбезопасностью.

Допустим, вы находитесь у следователя КГБ. Следователь кричит и топает ногами. Называет вас агентом ФБР. Угрожает вам тюрьмой и мордобоем.

Вдруг отворяется дверь. В помещение заходит еще один работник КГБ. Как правило, более высокого ранга. Заходит и тихо говорит первому следователю:

– Нехорошо, товарищ Сидоров! Времена Ежова прошли. Зачем же вы топаете ногами?! Товарищ Довлатов уже готов чистосердечно все рассказать...

По идее, слушая это, вы должны рассуждать так: «Первый следователь – негодяй. А второй – либерал. Надо держаться поближе ко второму. А то ведь и по физиономии схлопотать недолго...»

На эту удочку попадают только дураки. Оба работника КГБ действуют согласованно. В расчете на твою пугливость,

глупость, доверчивость.

Советские лидеры единодушны, как волки, преследующие жертву. Их мнимые разногласия – дешевый спектакль. «Коммунист» и «Правда» топчутся возле одной лохани. Получают указания в одном и том же месте. Ловко жонглируют для виду кнутами и пряниками...

Нам бы, гражданам свободного мира, хоть каплю этого единодушия!

Интеллигентами себя называют все...

Интеллигентами себя называют все. Человек порой готов сознаться в тягчайших грехах. Он готов признать себя неаккуратным, злым, ленивым, черствым и жестоким. Он даже готов признать себя неумным.

Но где вы слышали, чтобы кто-то заявил:

– Я – человек неинтеллигентный!

В лагере особого режима карманник Чалый повторял:

– Я – интеллигентный вор. Мокрыми делами не занимаюсь...

В Канавине, где я снимал жилье на лето, хозяин дома уважительно твердил:

– Серега у нас – интеллигент. Политуры и одеколону не употребляет. А только – белое, красное и пиво...

Следователь эстонского КГБ товарищ Зверев говорил мне:

– Вы должны нам помочь. Вы же интеллигентный человек. Вот карандаш и бумага...

Короче, все интеллигенты. И царит в этом деле невероятная путаница.

Интеллигентность путают с культурой. С эрудицией. С высшим образованием или хорошими манерами. Даже с еврейским происхождением.

– Скажите, вы – еврей?

– Нет, просто у меня интеллигентное лицо...

В эмиграции дело запутывается еще больше.

Интеллигенты вынуждены менять свои профессии. Музыковеды становятся бухгалтерами. Кинорежиссеры – агентами по недвижимости. Художники – лифтерами и охранниками.

Многие интеллигенты работают в такси. Некоторые занимаются физическим трудом.

Интеллигентные люди открывают магазины, рестораны, прачечные.

Так кто же интеллигент?

Интеллигентен ли бизнесмен, обманывающий своего партнера?

Интеллигентен лабух, называющий себя звездой международной эстрады?

Вот и разберись! Если человек сел за руль, то продолжает ли он быть интеллигентом? Не абсурдно ли такое выражение – бывший интеллигент? Не звучит ли оно так же глупо, как

бывший еврей? Бывший отец? Или – бывший автор «Капитанской дочки»?

Интеллигент за баранкой остается интеллигентом.

Хам остается хамом.

Но все-таки – кто же интеллигент?

Спорное, но выразительное определение интеллигентности дал Борис Меттер:

– Интеллигент – это тот, кто выписывает газету «Новый американец»!

Так кто же мы наконец...

Так кто же мы наконец? Евреи или не евреи?

В Союзе нам жилось легко и просто. Еврейство было чем-то нехорошим, второсортным. В лучшем случае – прости-тельным. Так бессознательно рассуждали даже приличные люди.

Мой школьный учитель, добродушный, тихий человек, говорил про озорного еврейского юношу:

– Еврей, а хулиганит...

Усматривая здесь двойное преступление...

В лагере я спросил оперуполномоченного:

– Почему среди евреев нет осведомителей?

Тот ответил:

– Сам посуди. Еврей, и к тому же – стукач! Это слишком...

Знакомый деревенский паренек рассказывал:

– К нам в МТС прислали одного. Все говорили – еврей, еврей... А оказался пьющим человеком...

Еврей – знай свое место! В школе добивайся золотой медали. В институте будь первым. На службе довольствуйся второстепенной ролью.

А не еврей – докажи! Предъяви документы. Объясни, почему ты брюнет? Почему нос горбатый? Почему «эр» не выговариваешь? Почему ты Наумович? Или даже Борисович? Про Абрамовичей я уж и не говорю...

Бывало, что люди утаивали свое еврейство. Можно ли их осуждать? По-моему – нет.

Нормальные люди действовали разумно. Не орали без повода – я еврей! Хотя и не скрывали этого.

И вот мы приехали. Евреи, русские, грузины, украинцы... Русские дамы с еврейскими мужьями. Еврейские мужчины с грузинскими женами. Дети-полукровки...

И выяснилось, что евреем быть не каждому дано. Что еврей – это как почетное звание.

И вновь мы слышим – докажи! Предъяви документы. Объясни, почему ты блондин? Почему без затруднения выговариваешь «эр»? Почему ты Иванович? Или даже Борисович?..

Между прочим, это и есть расизм. Ненавидеть человека за его происхождение – расизм. И любить человека за его происхождение – расизм.

Будь евреем. Будь русским. Будь грузином. Будь тем, кем себя ощущаешь. Но будь же и еще чем-то, помимо этого...

Например, порядочным, добрым, работающим человеком. Любой национальности...

Спорное, но выразительное определение еврейства дал Борис Меттер:

– Еврей – это тот, кто выписывает газету «Новый американец»!

Иногда мы подолгу спорим в редакции...

Иногда мы подолгу спорим в редакции – кто же наши читатели? Эти споры не утихают полтора года... Одни говорят:

– Нас читает и поддерживает Брайтон. Там живут энергичные, предприимчивые люди. Их не волнуют отвлеченные, литературно-философские проблемы. Им нужны практические сведения, реклама, хроника, бизнес. Ну и конечно – спорт. И больше ничего... А мы им предлагаем какие-то дискуссии...

Другие утверждают:

– Нас любит рафинированная интеллигенция. То есть сравнительно небольшой процент эмигрантов. Те, кого волнуют проблемы искусства, философии, религии... А всяческие кроссворды и бейсболы им не требуются...

Третьи подчеркивают:

– Нас читают евреи. И газета наша – еврейская. Поэтому

надо увеличить количество еврейских материалов. Больше писать о еврейской истории. Подробнее рассказывать о жизни в Израиле. А мы зачем-то печатаем христианина Солженицына. Боремся за чистоту русского языка...

Четвертые просят слова:

– Наши подписчики – бывшие советские граждане. Им хочется знать, что происходит на родине. Как обстоят дела с экономикой? Что нового в правозащитном движении? Возможны ли какие-то демократические перемены? А мы им подсовываем эмигрантскую тематику...

Пятые высказываются следующим образом:

– Что значит – «Новый американец»? Кто придумал такое узкое наименование? У нас сотни подписчиков вне Америки. Кроме того, нас читают американские слависты. Нас читают старые американцы русского происхождения. И уж конечно, представители трех эмигрантских волн...

Разобраться в этих спорах очень трудно.

Допустим, нас читают «простые люди». Тогда почему интеллектуальная дискуссия о еврействе вызвала столь бурную читательскую реакцию?

Предположим, нас читает только рафинированная интеллигенция. Чем же тогда объясняется шумный успех спортивных материалов?

Оказывается, все не так просто.

Оказывается, евреи любят русские стихи. Православных волнует судьба Израиля. Бывшие советские граждане жи-

во интересуются западным кинематографом. А у трех эмигрантских волн – масса общих проблем. И сходства между ними больше, чем различий...

И все-таки, кого считать новым американцем? Может быть, необходим кандидатский стаж – год, два, три? Или соответствующая прописка? Непонятно...

И опять – спорная, но выразительная формулировка принадлежит Борису Меттеру:

– Новый американец – это тот, кто выписывает газету «Новый американец»!

Это письмо дошло чудом...

Это письмо дошло чудом. Его вывезла из Союза одна поразительная француженка. Дай ей Бог удачи!..

Из Союза француженка нелегально вывозит рукописи. Туда доставляет готовые книги. Иногда по двадцать, тридцать штук. Как-то раз в ленинградском аэропорту она не могла подняться с дивана...

А мы еще ругаем западную интеллигенцию...

Вот это письмо. Я пропускаю несколько абзацев личного характера. И дальше:

«...Теперь два слова о газете. Выглядит она симпатично – живая, яркая, талантливая. Есть в ней щегольство, конечно, – юмор и так далее. В общем, много есть хорошего.

Я же хочу сказать о том, чего нет. И чего газете, по-моему,

решительно не хватает.

Ей не хватает твоего прошлого. Твоего и нашего прошлого. Нашего смеха и ужаса, терпения и безнадежности...

Твоя эмиграция – не частное дело. Иначе ты не писатель, а квартиросъемщик. И несущественно – где, в Америке, в Японии, в Ростове.

Ты вырвался, чтобы рассказать о нас и о своем прошлом. Все остальное мелко и несущественно. Все остальное лишь унижает достоинство писателя! Хотя растут, возможно, шансы на успех.

Ты ехал не за джинсами и не за поддержанным автомобилем. Ты ехал – рассказать. Так помни же о нас...

Говорят, вы стали американцами. Говорят, решаете серьезные проблемы. Например, какой автомобиль потребляет меньше бензина.

Мы смеемся над этими разговорами. Смеемся и не верим. Все это так, игра, притворство. Да какие вы американцы?! Кто? Бродский, о котором мы только и говорим?

Ты, которого вспоминают у пивных ларьков от Разъезжей до Чайковского и от Старо-Невского до Штаба? Смешнее этого трудно что-нибудь придумать...

Не бывать тебе американцем. И не уйти от своего прошлого. Это кажется, что тебя окружают небоскребы... Тебя окружает прошлое. То есть – мы. Безумные поэты и художники, алкаши и доценты, солдаты и зеки.

Еще раз говорю – помни о нас. Нас много, и мы живы. Нас

убивают, а мы живем и пишем стихи.

В этом кошмаре, в этом аду мы узнаём друг друга не по именам. Как – это наше дело!...»

Вообще это неправильно...

Вообще это неправильно, что я болею за Корчного. Болеть положено за того, кто лучше играет.

Либо положено болеть за своих. За команду своего родного города. Своего государства. Своего пионерского или концентрационного лагеря. За борца или штангиста, который живет в соседнем доме. И так далее.

Но я болею по-другому. И всегда болел неправильно. С детства мне очень нравилась команда «Зенит». Не потому, что это была ленинградская команда. А потому, что в ней играл футболист Левин-Коган. Мне нравилось, что еврей хорошо играет в футбол.

В шестидесятом году Мохаммед Али нокаутировал Петшиковского. Чуть раньше – Шаткова. Мне это не понравилось. И я не стал болеть за Мохаммеда Али. Он был чересчур здоровый, самоуверенный и победоносный. Потом у него выиграл Джо Фрезер. С тех пор все изменилось. Я болел за Али до конца. И болею сейчас...

Левин-Коган часто играл головой. Мне и это нравилось. Хотя еврейской голове можно было найти и лучшее применение...

Мне говорили, что у Корчного плохой характер. Что он бывает агрессивным, резким и даже грубым. Что он недопустимо выругал Карпова. Публично назвал его гаденышем.

На месте Корчного я бы поступил совсем иначе. Я бы схватил шахматную доску и треснул Карпова по голове. Хотя я знаю, что это неспортивно. И даже наказуемо в уголовном порядке. Но я бы поступил именно так.

Я бы ударил Карпова по голове за то, что он молод. За то, что он прекрасный шахматист. За то, что у него все хорошо. За то, что его окружают десятки советников и гувернеров.

Вот почему я болею за Корчного. Не потому, что он живет на Западе. Не потому, что играет лучше. И разумеется, не потому, что он – еврей.

Я болею за Корчного потому, что он в разлуке с женой и сыном. Потому, что ему за сорок. (Или даже, кажется, за пятьдесят.) И еще потому, что он не решился стукнуть Карпова шахматной доской. Полагаю, он этого желал не менее, чем я. А я желаю этого – безмерно...

Конечно, я плохой болельщик. Не разбираюсь в спорте и застенчиво предпочитаю Достоевского – баскетболисту Ала-чачяну.

Но за Корчного я болею тяжело и сильно.

Только чудо может спасти Корчного от поражения. И я, неверующий, циничный журналист, молю о чуде...

На английском языке...

На английском языке вышла замечательная книга Солженицына – «Бодался теленок с дубом».

Произведение это – документальное, автобиографическое. Перед нами – хроника духовной и литературной борьбы с тоталитаризмом, цензурой, госбезопасностью и функционерами ССП.

Мы узнаём, чего достигает великий писатель, единственное оружие которого – слово. Единственное преимущество – вера. Единственное достояние – мужество. Единственная ставка – жизнь...

Вот уже шесть лет Солженицын на Западе. На множестве языков изданы его книги. Широко обнародована его нравственная программа. Исключительный художественный талант Солженицына не вызывает разногласий. Идеи Солженицына, его духовные, нравственные, политические установки вызывают разноречивую обоснованную критику.

Что может быть естественнее и разумнее? Ведь предмет дискуссии – будущее нашей многострадальной родины.

Солженицын не одинок. У него имеются значительные, талантливые, влиятельные единомышленники. Его позициям во многом следует лучший русский журнал «Континент».

Голос Солженицына звучит на весь мир. А значит, голоса его критиков и оппонентов тоже должны быть услышаны.

Этому принципу следует наша газета...

Всякое большое явление обрастает суетой и мелочной накипью. То и дело раздаётся бездумный писк бездумных и угодливых клеветников Солженицына:

— Кто посмел замахнуться на пророка?! Его особа священна! Его идеи вне критики!..

Эти люди привыкли молиться очередным богам. (Неизменно расшибая при этом свои узкие лбы.) И менять убеждения, прочитав свежий номер газеты.

Десятилетиями они молились Ленину. А теперь готовы крушить его монументы, ими самими воздвигнутые.

Мы устроены по-другому. Слишком горек наш опыт, чтобы бездумно разделять любые идеи. Принимать на веру самые убедительные доктрины. Поспешно обожествлять самые яркие авторитеты.

Мы прозрели и обрели слух. Переиначивая буквари, нам хочется сказать:

МЫ – НЕ РЫБЫ! РЫБЫ – НЕ МЫ!

А у нас есть право голоса. Право на критику. Право на собственное мнение.

Мы восхищаемся Солженицыным и потому будем критически осмысливать его работы.

Слишком ответственна функция политического реформатора. Слишком дорого нам будущее России!

Это письмо я отправляю в Ленинград...

Это письмо я отправляю в Ленинград. Повезет его все та же благословенная француженка.

Дорогие мои!

Извините, что пишу так коротко и сумбурно. Отсутствие времени стало кошмаром моей жизни. Беллетристику давно забросил, что, возможно, и к лучшему...

На свободе жить очень трудно. Потому что свобода одинаково благосклонна и к дурному, и к хорошему. Разделить же дурное и хорошее не удастся без помощи харакири. В каждом из нас хватает того и другого. И все перемешано...

Об Америке писать невозможно. Все, что напишешь, покажется тусклым и убогим. Мы живем здесь почти три года и все еще удивляемся.

Можно долго перечислять ее замечательные и ужасающие черты. Затем написать – «и так далее». То есть главное все равно останется за чертой. Америка всегда – и так далее. Ее не перечислить.

Кубизм зародился во Франции, и это – неправильно. Место ему – на Бродвее. Чувствуешь себя здесь как в магазине детских игрушек. Многие из которых неожиданно стреляют...

Я рад, что вам нравится газета. Жаль, что получаете лишь

разрозненные номера. Если читать пунктиром, впечатление искажается.

Передайте Севостьянову, Чирскову, Долиняку, Губину, Лурье – мы нуждаемся в рукописях. Поговорите с Шефом и Ридом Грачевым, если это возможно. Попробуйте что-то объяснить Горбовскому. Дайте знать Валерию Попову.

За каждый хороший рассказ полагаются джинсы.

Я уже писал, что работать нам трудно. Рынок узкий, публика инертная. Колбаса идет лучше Набокова.

Да и подонков хватает. В процентном отношении их здесь не меньше, чем дома. Только одеты получше. И то не всегда...

Стоит ли говорить, что я вас не забыл и постоянно думаю о Ленинграде. Хотите, перечислю вывески от «Баррикады» до «Титана»? Хотите, выведу проходными дворами от Разъезжей к Марата?

Я знаю, кто мы и откуда. Я знаю – откуда, но туманно представляю себе – куда. И вы, я думаю, не представляете. А может быть, представить себе этого и не дано... И слава богу! Мы живы, и одно это уже – показатель качественный.

И помните, не каждый соотечественник – друг. И далеко не каждый говорящий на русском языке понятен. Иногда, как писал Марамзин, говорит человек, а слушать нечего...

Зовут меня все так же. Национальность – ленинградец. По отчеству – с Невы.

Боже, в какой ужасной стране мы живем...

Боже, в какой ужасной стране мы живем!

Можно охватить сознанием акт политического террора. Признать хоть какую-то логику в безумных действиях шантажиста, мстителя, фанатика религиозной секты. С пониманием обсудить мотивы убийства из ревности. Взвесить любой человеческий импульс...

В основе политического террора лежит значительная идея. Допустим, идея национального самоопределения. Идея социального равенства. Идея всеобщего благоденствия.

Сами идеи – достойны, подчас – благородны. Вызывают безусловный протест лишь чудовищные формы реализации этих идей.

В политическом террористе мы готовы увидеть человека. Фанатичного, жестокого, абсолютно чуждого нам... Но – человека.

Мы готовы критиковать его программу. Оспаривать его идеи. Пытаться спасти в нем живую, хоть и заблудшую душу.

Любое злодеяние мы стараемся объяснить несовершенством человеческой природы...

То, что происходит в Америке, находится за объяснимой гранью добра и зла.

Во имя чего решился на преступление Джон Хинкли?

Мотивы, рассматриваемые следствием, неправдоподобно убоги.

Нам известно заключение психиатрической экспертизы. Джон Хинкли оказался вменяемым, то есть – нормальным человеком.

Американский юноша стреляет в президента, чтобы обратить на себя внимание незнакомой женщины! Беда угрожает стране, где такое становится нормой.

Кроме всего прочего, Рейган старый человек. Кроме всего прочего, отец большого семейства. Кроме всего прочего, случившееся – акт хладнокровной, небывалой, а главное – бессмысленной жестокости.

Что-то главное нарушено в американской жизни...

Человек может стать звездой экрана или выдающимся писателем. Знаменитым спортсменом или видным ученым. Крупным бизнесменом или политическим деятелем. Все это требует ума, способностей, долготерпения.

А можно действовать иначе. Можно раздобыть пистолет и нажать спусковой крючок.

И все! Твоя физиономия украсит первые страницы всех американских газет. О тебе будет говорить весь мир. Правда, недолго. До следующего кровавого злодеяния.

И я, человек неверующий, повторяю:

– Боже, вразуми Америку! Дай ей обрести разум, минуя наш кошмарный опыт. Дай ей обрести мудрость, не пережив

трагедии социализма! Внуши ей инстинкт самосохранения! Заставь покончить с губительной беспечностью!

Не дай разувериться, отчаяться, забыть – в какой прекрасной стране мы живем!

Кнессет принял важное решение...

Кнессет принял важное решение об аннексии Голанских высот.

Решение кнессета вызвало единодушное осуждение большинства мировых правительств. В том числе и правительства США.

Все это порождает довольно грустные мысли. Я уже говорил, поведение государства и поведение человека – сопоставимы. Самозащита и обороноспособность – понятия адекватные. Разница в масштабах, а не в качестве.

Попробуем взглянуть на это дело с житейской точки зрения.

Я учился в послевоенной школе. К тому же – в довольно бандитском районе.

Времена были жестокие. Окружающие то и дело пускали в ход кулаки.

Меня это не касалось. Я был на удивление здоровым переростком.

А теперь вообразите хилого мальчишку, наделенного чувством собственного достоинства. К тому же – еврея в очках.

Да еще – по фамилии Лурье.

Лурье приходилось очень туго. Местная шпана буквально не давала ему прохода.

Раза три Лурье уходил домой с побитой физиономией. На четвертый раз взял кирпич и ударил по голове хулигана Мурашку. Лурье выбил ему шесть зубов «от клыка до клыка включительно». (Так было сказано в милицейском протоколе.)

Я знаю, что драться кирпичом – нехорошо. Что это не по-джентльменски. С точки зрения БУКВЫ Лурье достоин осуждения. Но В СУЩНОСТИ Лурье был прав.

От Израиля ждут джентльменского поведения. Израилю навязывают БУКВУ международного права...

Я вспоминаю семьдесят третий год. Мы служили тогда в журнале «Костер». Однажды Лосев (нынешний дартмутский профессор) раздобыл карту Ближнего Востока. И повесил ее в холле комсомольской редакции.

Я взглянул и ужаснулся. Микроскопическая синяя точка. Слово «Израиль» не умещается. Конец – на территории Иордании. Начало – в Египте. А кругом внушительные пятна – розовые, желтые, зеленые.

Есть такая расплывчатая юридическая формулировка – предел необходимой самообороны. Где лежит этот злополучный предел? Нужно ли дожидаться, пока тебя изувечит шайка бандитов? Или стоит заранее лягнуть одного ногой в мошонку?

Казалось бы, так просто. Тем не менее прогрессивное человечество с дурацким единодушием осуждает Израиль. Прогрессивное человечество требует от Израиля благородного самоубийства.

Итальянская полиция не без труда...

Итальянская полиция не без труда освободила генерала Дозьера.

Америка ликует... Нам вернули боевого генерала...

Что происходит?! В Иране студенты хватают заложников, держат в тюрьме, подвергая немыслимым унижениям. Американское правительство вырабатывает какие-то непонятные санкции. Проводит боевую операцию.

Операция с треском проваливается. Самолеты не желают взлетать. Связь нарушена. Карта местности составлена небрежно...

Ведется унизительный торг. Наконец измученных заложников почти выкупают. Американцы устраивают им потрясающую встречу. Ликованию нет конца. Шампанское льется рекой...

До чего же низко упал престиж Америки! Дипломаты радуются, что их не перестреляли как уток. Генерал Дозьер сообщает жене:

– Я чувствую себя прекрасно. Риали вандерфул!..

А я в эту минуту чувствовал себя ужасно. Горе той стра-

не, у которой воруют полководцев. Генерал – не пудель. Генералов надо охранять...

Видит Бог, мы покорены Америкой. Ее щедростью и динамизмом. Благородством и радушием. И все-таки...

Что-то неладное происходит в этой стране.

Ехали мы в сабвее, приятель и я. Рядом стояла молодая женщина. Вдруг она побелела. Ей стало плохо. Ее начало тошнить.

Платка у женщины не оказалось. Я протянул ей свежую газету. Все расступились. Сидящие пассажиры отвели глаза.

– Уступите место женщине, – сказал приятель.

Никакой реакции.

Мой друг почти кричит в лицо широкоплечему бородатому янки:

– Эй ты, животное, встань!

Тот нехотя встает, улыбается...

Что-то неладное происходит в этой стране...

Женщина тонет в реке Потомак. Некий отважный господин бросается с моста и вытаскивает утопающую. Герой, молодец, честь ему и хвала!

Дальше начинается безудержное чествование героя. Газеты, телевидение поют ему дифирамбы. Миссис Буш уступает ему свое кресло возле Первой леди. Говорят, скоро будет фильм и мюзикл на эту тему...

Из-за чего столько шума? Половина мужского населения Одессы числит за собой такие же деяния.

Так что же происходит в Америке? Равнодушие становится нормой? Нормальный жест воспринимается как подвиг? А может, я сгущаю краски?..

Я всегда гордился...

Я всегда гордился своей аккуратностью. Хотя гордиться тут особенно нечем. Известно, что повышенная аккуратность – свойство заурядных натур.

И все-таки я гордился. Гордился тем, что своевременно возвращаю долги. Тем, что редко опаздываю. Тем, что, как правило, выполняю свои обещания.

Это готова подтвердить даже моя собака. Уже десять лет я гуляю с ней в одни и те же часы...

Короче – педант, аккуратист, бескрылая личность... Чем и горжусь.

И больше всего горжусь тем, что сразу отвечаю на письма. Вернее – так было раньше. А теперь – все иначе...

Ежедневно мы распечатываем сотни писем. Значительная часть приходится на мою долю. Письма – самые разные. Деловые и личные. Восторженные и негодующие. Есть и анонимные письма. Это нормально. Это даже приятно. Поскольку можно не отвечать...

Когда газета начала выходить, писем было мало. Три-четыре в день. Через несколько месяцев они хлынули бурным потоком. Затем обрели мощь Ниагарского водопада.

Возникла довольно серьезная проблема. Как быть? Секретарша и без того завалена работой. Объем газеты увеличивается. Нагрузка у каждого сотрудника редакции огромная. Времени совершенно не хватает.

А письма всё идут. Приблизительно их можно классифицировать следующим образом:

1. Деловые. 2. Творческие. 3. Личные.

На деловые письма мы отвечаем сразу. Конструктивные предложения обсуждаем на собраниях. Критические замечания стараемся учитывать.

Резкость формы при этом нас мало смущает. Лишь бы критика обуславливалась доброжелательным чувством.

Шипение злобствующих неудачников – игнорируем. Ведь зависть способствует любому успешному начинанию.

С творческими письмами хлопот гораздо больше. Нам шлют стихи и прозу. Фотографии и рисунки. Статьи и корреспонденции. Документы и вырезки. Мемуары и анекдоты.

Лучшие вещи мы печатаем. Неудачные произведения – отвергаем. Обсуждать и рецензировать – не считаем целесообразным.

Возвращать отвергнутые рукописи – не принято. (Снять копию здесь – не проблема.)

Все это – обычные редакционные правила. Принятые как в Союзе, так и на Западе...

А вот с личными письмами – катастрофа. Они загромождают мой письменный стол. И за каждым безответным пись-

мом – обида, горечь, требовательное недовольство. Что мне делать – не знаю...

Друзья мои! Вообразите лист бумаги размером с озеро Мичиган. И авторучку с корабельную мачту. Этой громадной воображаемой авторучкой на этом громадном воображаемом листе бумаги я пишу:

– БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ, МОИ ДОРОГИЕ, В НАСТУПАЮЩЕМ НОВОМ ГОДУ! СПАСИБО ЗА ВСЕ. И ПРОСТИТЕ МЕНЯ...

Жизнь академика Сахарова...

Жизнь академика Сахарова – в опасности. Это значит, в опасности – сама идея цивилизации. Значит, советские власти готовы перешагнуть рубеж нравственного одичания.

Репутация Сахарова – уникальна. Он внушает любовь даже своим идейным противникам. Более того, своим заклятым врагам.

В эмиграции много замечательных людей. Огромным уважением пользуются Солженицын и Григоренко, Максимов и Буковский, Чалидзе и Турчин, Зиновьев и Копелев. Между ними глубокие, сложные, иногда довольно неприязненные отношения.

Но Сахарова любят все. Мрачноватые русские патриоты и запальчивые сионисты. Убежденные демократы и приверженцы сильной власти. Глашатаи плюрализма и сторонники

авторитарных форм...

Говорят, академика Сахарова уважает даже Павел Леонидов.

Уважение к Сахарову – может быть, единственное, что объединяет всех русских эмигрантов...

В Ленинграде есть такой журнал – «Аврора». В шестьдесят седьмом году его редактировала Нина Косырева. Косырева была обыкновенной партийной чиновницей. И делала все, что положено делать номенклатурному советскому редактору. Отклоняла талантливые рукописи, печатала всякую халтуру, горячо и лицемерно выступала на юбилейных и партийных собраниях.

Неожиданно в «Авроре» появился материал, где упоминали крамольного Сахарова. Упоминали как ученого, в положительном смысле.

Это был страшный, недопустимый идейный промах.

Косыреву потащили в обком. Начали прорабатывать. Нина Сергеевна упрямо твердила:

– Не знаю, не знаю, я смотрела в энциклопедии...

Что-то с ней произошло. Видимо, на Сахарове кончилось ее терпение.

Косыреву сняли...

Мне кажется, главное в академике Сахарове – доброта. Его отношение к миру поражает снисходительностью и беззлобием. Надо же было так изощриться властям, чтобы принудить Сахарова объявить голодовку. Толкнуть его на эту

крайнюю меру, на этот последний шаг.

Мне кажется, его должны спасти. Иначе просто быть не может. Иначе жить на этой планете будет совершенно отвратительно.

Если убьют Сахарова, то не пощадят и вас!

Когда номер был готов, пришло известие, что требование академика Сахарова – удовлетворено.

Мы живем среди цифр...

Мы живем среди цифр. Память хранит их в необозримом количестве. В цифрах можно изобразить любую, самую причудливую биографию. От фиолетовых каракулей на бирке родильного дома. До скупой информации на могильной плите.

Можно написать роман в цифрах. И эта штука будет сильнее, чем «Фауст» Гёте.

Все даты жизни одного моего партийного родственника – 1917–1938. По-моему, это законченный трагический роман...

Мы любимся первым снегом... Обретаем второе дыхание... Называемся третьей волной... Подлежим четвертому измерению... Тяготимся пятой графой... Испытываем шестое чувство... Оказываемся на седьмом небе...

Мы помним номера телефонов и даты рождений. Размеры наших брюк и шапок. Бесчисленные адреса и цены на товары

широкого потребления.

Мы переводим доллары в рубли. Меняем Цельсия на Фаренгейта.

Мы любим подсчитывать чужие доходы. Мы хорошо считаем, когда надо...

Перед вами сотый номер газеты. Сто недель пролетело. А ведь еще вчера мы совещались у «Натана». (Угол 53-й и Бродвея.)

За эти сто недель мы двадцать раз горели. Пятнадцать раз закрывали лавочку. Четырежды умирали и возрождались. Мы, как Польша, выдержали три раздела.

Когда-то мы были великолепной семеркой. Затем приходили все новые и новые люди. (Не превратиться бы в черную сотню!)

И все-таки каждая неделя завершается праздником. Выходит «Новый американец». А ведь это – двести машинописных страниц. Объем «Капитанской дочки». Пятьдесят две «Капитанских дочки» в год!..

Я не хочу сказать, что мы всегда работали замечательно. Всякое бывало. Но мы работали честно. И если делали глупости, то не со зла. А потому, что не хватало опыта. Потому что не боги горшки обжигают. Боги только советы дают и критику наводят.

И еще потому, что лишь серость застрахована от неудач...
Рано утром позвонил Вайль:

– Ты помнишь, что мы выпускаем сотый номер?

Конечно помню. Я только обиды забываю. Я думаю, это профессиональное качество.

Да ради такого звонка я готов помириться с шестьюдесятью Наврозовыми. Я забыл больше, чем вы когда-нибудь сможете узнать...

Сотый номер почти готов. Читайте, критикуйте, – это ваша газета.

Вроде бы мы затеяли нужное дело. Увидите. Поговорим через сто лет.

В нашем доме...

В нашем доме протекает крыша. С потолка каплет. На стенах мерзкие разводы.

Помимо этого – не топят. Вернее, топят, но редко. Короче, температура низкая. Градусов шестнадцать по Цельсию.

И еще – всякие мелочи. Выключатель не действует. Рамы прогнили и так далее.

Все хорошо. Район хороший. Квартира большая. Но довольно паршивая.

Наш супер Габриэль живет и работает по-коммунистически. Вид у него бодрый. Глаза поблескивают. Работать не хочет. Топить как следует не хочет. Крышу чинить не хочет. Но здоровается – вежливо. Это у него, видимо, пережиток капитализма.

Прямо не знаем, что делать.

В Ленинграде я годами боролся с домоуправлением. Чего-то добивался, просил, скандалил, угрожал.

Как-то раз пришел сантехник. Пришел и все испортил. Отвинтил краны. Перекрыл газ. Вывел из строя уборную. Затем попросил шесть рублей и ушел. Ушел и, естественно, запил. А мы остались без воды и без удобств.

Я терпел четыре дня. Затем разыскал пьяного водопроводчика. Втащил его на пятый этаж. Достал охотничье ружье. Сел на табуретку и говорю:

– Шаг в сторону – побег! Стреляю без предупреждения!

Два часа трудился водопроводчик. Кран починил. Газ починил. Потом говорит:

– Пусти в уборную, начальник!

– Починишь – сходишь.

Так он все и починил. И только в самом конце задумчиво произнес:

– Надо было тебя сразу же монтировкой перетянуть!

– Верно, – говорю, – но поздно...

Так было в Союзе. Один раз добился справедливости. С оружием в руках.

А что делать здесь? Видимо, существуют какие-то нормы. Какие-то легальные методы борьбы.

Говорят, есть специальная комиссия по отоплению. Еще, говорят, можно депонировать квартплату. И так далее. В общем, есть пути.

Может, кто-то из читателей поделится опытом? Расска-

жет, как действовал? Чего добился? Мы бы постоянную рубрику открыли для таких советов...

Ведь Габриэль не один. Ударников коммунистического труда везде хватает. Так что пишите.

Ждем!

Шефа полиции охватило...

Шефа лос-анджелесской полиции охватило неожиданное служебное рвение. Он заявил, что русский Брайтон – это филиал КГБ. Что с Брайтона тянутся нити заговора против Олимпийских игр. Что Москва под видом беженцев засылает сюда шпионов и террористов.

Калифорнийский шерлок холмс перестарался. Его безответственное заявление говорит о профессиональной некомпетентности. О явном непонимании природы третьей эмиграции. Об элементарном незнании людей.

Именно такие заявления вызывают расовую отчужденность. А в сумасшедшем Нью-Йорке они чреватые и более тяжелыми последствиями.

Тем обиднее сознавать хотя бы едва уловимую долю правоты в измышлениях калифорнийского шефа. Тем досаднее сознавать, хотя бы частично, справедливость выдвинутых им обвинений.

Филиал КГБ – это слишком. Мафия – это слишком. Но мошенники среди нас попадают. Есть и примитивное во-

рье...

Канает местная дама в провинциальный супермаркет. Туда заходит в бросовом пальто. А появляется – в дубленке. Чистая Золушка!..

Есть хулиганы. Есть вымогатели. Есть фиктивные холостяки и липовые вдовы. Все у нас есть.

Я не говорю о случаях банального мордобоя. О неутихающей карточной игре. Об импортном советском пьянстве...

Есть, говорят, на Брайтоне тайный публичный дом. По мне, так уж лучше – явный. Меньше риска, больше гигиены. Здесь это разрешается. Правда, лицензия дорогая...

Партнеров обманываем. Документы подделываем. Контрабандными сигаретами торгуем.

Одному рижанину на Брайтоне машину продали. Машина замечательная – фары, например. Запасная крышка. Насос. Тормоза...

Правда, ездит медленно. И только лишь под гору. А в гору без кардана – никак...

Я знаю, что основное население Брайтона – предприимчивые, толковые и весьма достойные люди. Честные труженики, законопослушные граждане, отцы семейств. Есть здесь и своя интеллигенция. Есть инженеры, рабочие, программисты. Есть в том числе и сотрудники «Нового американца». Но и погани хватает. Она-то и бросается в глаза.

Жалуюсь тут одному брайтонцу на калифорнийского шефа полиции. А он и говорит:

– Пусть заглянет в наш ресторан. Мы его живо переубедем. Мы ему, гаду, рожу начистим...

Что ж, милый способ понравиться должностному лицу...

К нищим я всегда относился с почтением...

К нищим я всегда относился с почтением. Или, как минимум, с любопытством. Еще бы, ведь это люди совершенно не такие, как мы. Они игнорируют всяческие приличия. Ходят в рубище. Не служат. На общественное мнение – плюют.

Раньше я не всегда подавал им милостыню. Иной раз быстро проходил мимо. Одно дело – старый человек, инвалид. Однако чаще попадаются здоровые, нахальные и без малейших следов увечья. Говорят, они тайно строят дачи. И вообще неплохо зарабатывают своим ремеслом.

Раньше я не всегда им подавал. А теперь подаю. Всем без исключения.

На меня очень сильно подействовал рассказ Тараса Шевченко, записанный в его дневнике. Рассказ такой:

«Шел я в декабре по набережной. Навстречу босяк. Дай, говорит, алтын. Я поленился расстегивать свитку. Бог, отвечаю, подаст. Иду дальше, слышу – плеск воды. Возвращаюсь бегом. Оказывается, нищий мой в проруби утопился. Люди собрались, пристава зовут... С того дня, – заканчивает Шевченко, – я всегда подаю любому нищему. А вдруг, думаю, он

решил измерить на мне предел человеческой жестокости...»

Я не случайно вспомнил эту историю. Сегодня иду по Манхэттену. Навстречу оборванец. На плечах женская кофта. На голове – абажур. Подходит и говорит:

– Дай мне квотер!

Не то чтобы он потребовал квотер. Хотя и не скажу, что попросил. Он сдержанно предложил мне дать ему квотер.

Я дал. Я дал, но морально осудил этого человека. После чего хотел было идти своей дорогой.

Но тут произошло чудо. Босьяк отбежал в сторону. Он стал как будто выше ростом. Затем вдруг изобразил мою походку. Надо сказать – очень похоже и талантливо. В общем, он честно заработал свой квотер...

Значит, он был артистом. И я решил не осуждать его. У меня своя дорога, у него – своя.

И я в хорошем настроении пошел своей дорогой... А он – своей...

Говорят, экономическая политика Рейгана затрагивает интересы беднейших слоев населения. Дай Бог, чтобы она пощадила моего нового знакомого...

Когда-то нам внушали...

Когда-то нам внушали:

– Советское – значит, отличное! И все у нас замечательно! А вот у них – кошмар и дикость! С голодудохнут, негров

линчуют, морально разлагаются... И прочее, и прочее...

Приехали, осмотрелись. Не голодаем. Мораль на прежнем уровне. И негры целы (даже слишком)...

Короче, обманывала нас советская пропаганда. Мы ей больше не верим. Мы теперь рассуждаем по-другому:

– Запад – это прекрасно! И все у нас замечательно! А вот у них – действительно – кошмар! С голодудохнут, евреев линчуют... И так далее... И тому подобное...

Я не спорю. Советское государство – не лучшее место на земле. И много там было ужасного. Однако было и такое, чего мы вовек не забудем. Режьте меня, четвертуйте, но спички были лучше здешних. Это мелочь, для начала.

Продолжим. Милиция в Ленинграде действовала оперативней.

Я не говорю про диссидентов. Про зловещие акции КГБ. Я говорю о рядовых нормальных милиционерах. И о рядовых нормальных хулиганах...

Если крикнуть на московской улице: «Помогите!» – толпа сбежится. А тут – проходят мимо.

Там в автобусе места старикам уступали. А здесь – никогда. Ни при каких обстоятельствах. И надо сказать, мы к этому быстро привыкли.

В общем, много было хорошего. Помогали друг другу как-то охотнее. И в драку лезли, не боясь последствий. И с последней десяткой расставались без мучительных колебаний.

Не мне ругать Америку. Я и уцелел-то лишь благодаря

эмиграции. И все больше люблю эту страну. Что не мешает, я думаю, любить покинутую родину...

Спички – мелочь. Важнее другое. Есть такое понятие – общественное мнение. В Москве оно было реальной силой. Человек стыдился лгать. Стыдился заискивать перед властями. Стыдился быть корыстным, хитрым, злым.

Перед ним захлопывались двери. Он становился посмешищем, изгоем. И это было страшнее тюрьмы.

А здесь? Перелистайте русские газеты и журналы. Сколько ненависти и злобы! Сколько зависти, гонора, убожества и притворства!..

Молчим. Привыкли...

Глупо делить людей на советских и антисоветских. Глупо и пошло.

Люди делятся на умных и глупых. Добрых и злых. Талантливых и бездарных.

Так было в Союзе. И так будет в Америке. Так было раньше. И так, я уверен, будет всегда.

К сожалению, я не знаю...

К сожалению, я не знаю их фамилий. Лишь немногих знаю по именам. Но здороваюсь почти со всеми. И почти все они здороваются со мной.

Они – это наши старики из Форест-Хиллса.

Вспомните раздражительных советских пенсионеров.

Вспомните их усталые, хмурые лица. Их дешевые папиросы. Их черные пальто и бесформенные скороходовские туфли. Их возбужденные, недовольные голоса:

– Я, мамаша, Перекоп брал! А ты мне чекушку без очереди не даешь...

А теперь пожалуйста к нам в Форест-Хиллс.

Вы только посмотрите, как одеты наши старики! Как они моложавы и элегантны! Как доброжелательны и бодры!

Среди молодежи еще попадаются наглецы и грубияны. Старики же неизменно вежливы и корректны.

Люди нашего возраста порой ругают Америку. Пожилые люди оценивают ситуацию гораздо трезвее. Хотя перестройка им стоит куда больших усилий. Язык дается с большим трудом. И пережитое напоминает о себе более властно...

Старики веселее, оптимистичнее нас. Среди молодежи больше распространено уныние. (Которое лишь издалека напоминает величие духа.)

Пожилые люди знают:

Уныние страшнее горя. Ибо горе есть разновидность созерцательного душевного опыта. Уныние же – сон души...

Старики не меркантильны. Они звонят мне в редакцию:

– Материально я вполне обеспечен. У меня есть все и даже больше. Но знаете, хочется чего-то еще... Вот и написал о том, что пережил...

Так попала к нам глава из повести Лейзера...

От пожилого человека не услышишь:

– А что я с этого буду иметь?..

Старикам важнее давать, а не брать.

И еще одно соображение. Именно старики – наиболее требовательные, дотошные и взыскательные читатели газеты. Именно старики нам пишут чаще других. Чаще других звонят в редакцию.

Старики поддержали нас в трудные месяцы. Старики нас ругают за промахи и ошибки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.